

ББК Ш5(2=Р)7-4 Веселый А.+ТЗ(2Рос.Калм)612
УДК 82-95

Р. М. Ханинова, Д. А. Иванова

КАЛМЫЦКАЯ ТЕМА В ПРОЗЕ АРТЕМА ВЕСЕЛОГО

Аннотация: Калмыцкая тема в прозе А. Веселого 1920–1930-х гг. представлена эпизодически. Калмыцкие типы писателя в рассказе «Седая песня» и в романе «Россия, кровью умытая» рассмотрены в мирный период с этнографической точки зрения, во время гражданской войны – как ее невинные жертвы и как спутники смерти.

Ключевые слова: калмыки, табунщик, кони, кибитка, гражданская война, похоронная команда.

R.M. Khaninova, D. A. Ivanova

KALMYK THEME IN THE PROSE BY ARTEM VESELY

Summary: The Kalmyk theme in the prose by A. Vesely of 1920s – 1930s is presented episodically. Kalmyk types are regarded in the story «The grey song» and in the novel «Russia washed with blood». They are depicted from the ethnographical point of view in the peaceful time and described as the innocent victims and the companions of death during the civil war.

Key words: the Kalmyks, horse-herd, horses, Kalmyk tent, civil war, funeral team.

Калмыцкая тема в русской прозе первой половины XX века не привлекала особого внимания отечественных исследователей. Между тем, на наш взгляд, этот национальный аспект интересен рецепцией и репрезентацией «свое – чужое» в поликультурном пространстве российской словесности. Так, в рассказе А. Серафимовича «Степные люди» (1902) борьба между мужчиной и женщиной, нестарым и старым человеком, русским и калмычкой, – это и борьба между предубеждением в отношениях «свой»/«чужой», но главное – выражение гуманистической авторской интенции в национальном вопросе (6, с. 100).

У Артема Веселого (литературный псевдоним Николая Кочкурова) калмыцкая тема представлена эпизодически. Во-первых, в рассказе «Седая песня» (1923), во-вторых, в незавершенном романе «Россия, кровью умытая» (1920–1936). В отличие от рассказа А. Серафимовича, здесь явлены в основном калмыцкие мужские типы.

Рассказ «Седая песня», не имеющий авторской датировки в тексте, не был опубликован при рано оборвавшейся жизни репрессированного писателя и принадлежит к «возвращенной литературе»: впервые напечатан был в 1957 г. в журнале «Знамя».

Повествование в духе орнаментальной прозы 1920-х гг. начинается со своеобразного зачина – лирико-поэтического описания места действия и встречей коней, родителей Хана: «За Салом, в глухой степи, где вздыбливаются встречные ветра да яростно клекочут бездомные беркуты, грудастый донской жеребец настиг калмыцкую кобылицу. <...> Это была самая дикая лошадь из калмыцких табунов.

По всей степи носились скакуны, вспугивая медных кобчиков, перемахивая через буераки, птицами взметываясь на курганы. Трава горела под их копытами. На просторе калмыцких кочевий грудастый смял и растоптал упорство длинногривой...» (2, с. 504).

пивших июльской жарой во время разговора кумыс. Кумыс, заметим, относится у тюрко-монгольских народов к сакральной еде-подношению и является знаком дружелюбия и гостеприимства. Это также дополнительная деталь автора, знающего кочевую культуру, к характеристике Учкура.

Верность калмыка слову подтверждена через год, когда «Учур появился в станице, во дворе Максима, и закричал пронзительным голосом:

– Моя приплод привел, ставь водка!

<...> Максим засмеялся, вспомнив прошлогодний спор» (2, с. 506).

Смех хозяина дома свидетельствует о том, что он помнит, как именно уговаривал гостя отдать ему мужской приплод от своего жеребца, и о том, что он доволен итогом в свою пользу.

Доволен и проигравший: «...вконец захмелевший калмык в ночь уже сел на выменянного за свою длинногривую поджарого мерина и уехал обратно в степь, икая и распевая песни.

Пел о том, что звезды указывают ему дорогу к кибитке, что из жеребенка вырастет хороший скакун и дадут за него целый табун коней, а Учур подарил его казаку за четверть водки» (2, с. 506).

Автор указывает на форму выражения радости табунщика-калмыка: пел песни. И, хотя ни названий, ни содержания песен нет, кроме последней, носящей импровизационный характер, нет сомнения, что всадник за время долгого пути домой исполнил знакомый ему народный репертуар, в котором много песен о конях и табунщиках.

Калмыцкая тема дополнена в рассказе кличкой скакуна, которую посоветовал взять станичный атаман. «Зови Ханом. <...> И коротко и хорошо, а к тому же и конь твой из азиатов, – глубокомысленно докончил атаман и напросился на магарыч.

– Это как будто подходяще, – согласился Максим» (2, с. 507).

Хан оправдал доверие, став победителем многих конных соревнований.

Кроме Хана, у Максима водились и другие калмыцкие кони, что подтверждается упоминанием о том, что хозяин воровал у них пшеницу на пропой своей души (2, с. 508). Среди посетителей кермаша, ярмарки, на которой торговали преимущественно скотом, на Успенье на скачке, были «дикуватые калмыки с дальних кочевий» (2, с. 511).

Таким образом, в рассказе А. Веселого «Седая песня» калмыцкая тема включает несколько компонентов. Во-первых, антропоним: мужской персонаж Учкур, производное имя которого – Очр (Очир), что означает по-тибетски алмаз, скипетр (4, с. 185). Такая семантика имени степняка, с одной стороны, подтверждает тибетские заимствования антропонимов у калмыков, а с другой – подчеркивает лучшие качества человека. Во-вторых, гиппоним: имя собственное (кличка) скакуна – Хан, подтверждающая его породу и качественные характеристики победителя в рассказе. Обычно для лошадей подбирают клички, в которых должны быть буквы или слоги из кличек родителей. Это правило в данном произведении нарушено в связи с авторской задачей – гимн природе, гармоническому союзу человека и животного, отсюда и поэтика заглавия: седая песня, т.е. древняя, вечная песнь красоте и силе коня. В-третьих, среди других калмыцких компонентов – этнографические детали быта, культуры и типа хозяйствования: кибитка, кумыс, песни, коневодство. Это лексическая запись речи степняка с нарушением правил грамматики (мой кобыла, моя приплод, моя привел, ставь водка).

В романе «Россия, кровью умытая» мужские персонажи, в отличие от рассмотренного рассказа, безымянные. Так, один эпизод периода Гражданской войны, участником которой был сам автор на стороне Красной Армии, показывает калмыков жертвами насилия. Когда рядовой солдат Максим Кужель вместе с соратниками нат-

кнулся на одинокую кибитку среди двух курганов, то встретил встречный огонь неизвестного человека. После того, как схватили незнакомца, услышали страшную исповедь. Царедворцев из Пашковской станицы был в составе 1-го Кубанского полка, с эскадромом вышел к морю, на Лагань, стал переправляться через лиман к Астрахани и чуть не утонул. Вместе с товарищем Бондаренко выплыли на берег, еле спаслись от голода, сначала съев барсука, затем набрели на калмыцкую кибитку, у хозяев которой было три барана и немного муки. Царедворцев предложил товарищу убить калмыцкую семью, считая, что она их ночью заколет, да и харчей на всех надолго не хватит. В ответ на его возражения, что калмыки ни в чем перед ними не виноваты, может, его собственного отца на Кубани тоже в этот момент кто-нибудь лишает жизни, настаивает, чтобы Бондаренко отошел на минуту в сторонку, раз у него сердце такое мягкое. Тот, хотя и с неохотой, но отошел и отвернулся. Рассказ казака характеризует его «дикое сердце» (убивает взрослых и детей), пренебрежение к инородцам (черномазый), жадность, склонность к насилию над женщиной, удовлетворение низких инстинктов. «Обнажаю наган и стреляю старого калмыка, стреляю дите, еще дите и еще одного черномазого – шустрый такой: двумя пулями его пробил, а он знай визжит, за наган хватается и ноги мне целует. Свалил и этого, а старуху оставил: хоть перед смертью, думаю, справлю удовольствие. Она была еще здоровая и горячая, пар от нее отскакивал...» (1, с. 216).

Неделя еды и насилия над беззащитной женщиной для Царедворцева стала своего рода испытанием. Товарищ его поправился и стал звать в дорогу, а у него ноги «разнесло», в сапоги не влезают, босиком далеко не уйдешь. Пассивный протест калмычки выразился в постоянном оплакивании родни. «Старуха по ночам донимала: сядет на могилку, где мы их закопали, и воет, да как, стерва, воет – волос на тебе медведем подымается. Гонял я ее, бил, а она, как ночь, опять за свое...», – признается насильник (1, с. 216).

Для калмыцкого менталитета не принято сильно и открыто выражать свои эмоции: будь это радость, будь это горе. Эта сдержанность нарушена старой женщиной, потерявшей, видимо, своего мужа, детей, что свидетельствует о глубине ее переживаний и снятии с себя запрета. Побой и надругательство над ее телом не в состоянии примирить ее страдания по поводу утраты близких ей людей.

Рассказ Царедворцева показывает закономерное моральное падение человека. Теперь очередь дошла до его спутника. «Вот вижу, мука кончается, баранины одна тушка остается, и пала мне на сердце злая думка...» (1, с. 216). Сам рассказчик осознает степень разрушения своей личности – мысль о насилии над тем, кто спас во время скитаний ему жизнь. «Покинет меня товарищ и баранину упрет. Стал я следить за ним. Выйдет он на курган и все дороги рассматривает. Ну, мы с ним поругались...» (1, с. 216). Жадность, подозрительность, инстинкт самосохранения Царедворцева сыграли свою злую роль. «Он лег спать, ничего не думал... Ну, я его ночью... того. Остался я один и стал жить с калмычкой, как с женой...» (1, с. 216). В отличие от подробного описания своего преступления по отношению к калмыкам, заметим, что в этом случае убийца обходится в контексте разговорным обозначением лишения жизни («того»).

На вопрос Васьки Галагана, зачем же стрелял по своим, Царедворцев ответил, что испугался. Без всякой иронии Васька уточнил: «Ага, испугался, что твою баранину съедим?..» (1, с. 216).

Самосуд над преступником был скорым: «Ну, миляга, пойдем, получай награду, какую заслужил, – пинком Галаган поднял его с земли, отвел немного в сторону и

свалил» (1, с. 216). Характерно, что писатель вновь обратился к разговорному языку («свалил»), снижая тем самым в этом эпизоде смерть предателя.

В начале вынужденной исповеди отщепенца писатель сравнивает его с хорьком, попавшим в капкан (1, с. 215). Царедворцев после побоев услышал, что думает о нем товарищ. «Гад... Курва... Вредный... На своих руку поднял?... Дракон... Мурло... Ехидна... Обломок Иуды... Чертов пуп! – И какими, какими только словами не поносил его морячок» (1, с. 215). Страх перед мучениями пересиливает у преступника страх перед смертью, когда он умоляет убить его. «Не мучь, братишка, – заплакал тот, отирая руками кровь с подбородка. – Стреляй скорее, стреляй Христа ради и не мучь...» (1, с. 215).

Когда перед этим бойцы бросились в кибитку, то обнаружили только старую калмычку, которая бредила в тифу. Она тоже потом умрет, оставленная без помощи, потому что у Мужеля, Галагана и Григорова не было возможности ни взять ее с собой, ни вылечить.

Калмыцкая деталь в романе дана и в авторском обозначении мяса – маханина (1, с. 217), от калмыцкого слова «махн».

Другие безымянные калмыцкие персонажи – это похоронная команда, которую Максим увидел в селе Оленичеве. «Калмыки – мобилизованные санитарным врачом – шайками разъезжали по улицам, собирали мертвых на скрипучие арбы и свозили за село в ямы, в ямы валили великое урево мертвяков, заливая их известкой и присыпая песком» (1, с. 219).

Поэтому все бойцы их боялись. «В хату заглянул, как вестник смерти, калмык. Он улыбнулся жалкой, заморенной улыбкой и спросил:

– Дохла нету?

Застонали, заругались:

– Уйди, стерва... Уйди, гад... Мы еще живы!

Принялись кидать в него чем попало. Калмык зацепил багром мертвого, что лежал около самого порога, и уволок его» (1, с. 220).

В этом эпизоде писатель акцентирует несоответствие между невербальным и вербальным обращением инородца: жалкая, заморенная улыбка, означающая смирение перед ожидаемой реакцией людей, усталость от тяжелой обязанности собирать и хоронить мертвых, слабое знание чужого языка («Дохла нету?»). Калмык никак отвечает на ругань и действия, молча выполняя свою работу.

Артем Веселый не останавливается тут подробно на особенностях ментального отношения своих персонажей к смерти, подчеркивая общечеловеческое: естественный страх перед смертью и желание жить.

Калмыцкие топонимы в романе «Россия, кровью умытая» указаны несколько раз. Вначале Лагань. Позже командир бригады Иван Чернояров читает по карте: «Идем на Эргедин худук (колодец), Хахачин худук, Цубу, Булмука худук, Ыльцрин, Тюрмята худук... Отсюда, старым чумацким шляхом, берем направление на Яшкуль, Улан Эрге, Элисту и выходим под Царицын на соединение с дивизией Стожарова...» (1, с. 234). И встречает возражение оставшихся с ним всадников, что не дойдут до Царицына, потому что «пятьсот верст дикой калмыцкой степи...» (1, с. 234), т.е. мало жилья и воды. В перечислении названий населенных пунктов автор дает в первом случае пояснение в скобках, что худук означает по-калмыцки колодец. Упоминаются в романе и ворованные дезертирами калмыцкие лошади (1, с. 420).

Следовательно, калмыцкая тема в исследуемой нами прозе Артема Веселого дана фрагментарно как в рассказе, так и в романе, являя определенную осведомленность автора в жизни и культуре калмыцкого народа.

Список литературы

1. Веселый А. Россия, кровью умытая // Веселый А. Избранная проза. – Л.: Лениздат, 1983. – С. 5-452.
2. Веселый А. Седая песня // Веселый А. Избранная проза. – Л.: Лениздат, 1983. – С. 504-520.
3. Даль В. Бачка // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. I: А – З. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – С. 56.
4. Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. и доп. – На рус. и калм. яз. – Элиста: АУ РК «Издательский Дом «Герел», 2012. – 255 с.
5. Серафимович А. Степные люди // Серафимович А. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. Рассказы и повести. 1889-1913; Город в степи: Роман / Сост., вступ. ст., примеч. В. М. Акимова. – Л.: Худож. лит., 1985. – С. 29-49.
6. Ханинова Р. М. Старая калмычка в сюжете рассказа А. Серафимовича «Степные люди» // Ханинова Р. М., Вяткина Е. А., Иванова Д. А. Рецепция и репрезентация калмыцкой культуры в русской литературе XIX – XX веков: учеб. пособие. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. – С. 93-104.